

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВИШНЕВСКИЙ (образ великого хирурга в творчестве великих художников)

Фрагмент из 2-й части книги
"Хирургия в изобразительном искусстве"
Посвящается 100-летию А.А. Вишневого

А.А. Воробьев, В.П. Туманов, И.А. Петрова

Кафедра оперативной хирургии и топографической анатомии, кафедра истории и культурологии
ВолГМУ, Российский Государственный Медицинский Университет, г. Москва

UNKNOWN VISHNEVSKY (image of the great surgeon in creative work of prominent artists) Fragment of part 2 of the book "Surgery in Art" Dedicated to the 100th anniversary of A.A. Vishnevsky

A.A. Vorobiov, V.P. Tumanov, I.A. Petrova

Abstract. The paper presents unknown episodes from the life of a great Russian surgeon Vishnevsky and his relations with the famous artists.

Key words: surgery, art, Vishnevsky A.A.

Есть личности в истории, жизнь которых даже для современников является легендой. Все грани жизни и творчества таких людей вызывают непроходящий интерес для последующих поколений. Это связано, как правило, не только с их профессиональными успехами, но именно с их личностными качествами, которые хочется понять и которым хочется подражать. Александр Александрович Вишневский именно такой человек. Легендой в его жизни стало все: его семья (в самом деле, кто же в нашей стране не слышал о мази Вишневого), его сложный характер, привычки.

О Вишневском написано много. Жизнеописание и научные открытия великого хирурга, казалось бы, известны всем. Но одна грань этой великой личности до настоящего времени оказалась незаслуженно обойденной вниманием исследователей.

Художественные образы А.А. Вишневого, созданные его современниками, великими художниками XX в., оказавшимися рядом с ним при различных обстоятельствах на разных этапах его деятельности, как нельзя лучше раскрывают всю глубину личности великого Творца от хирургии. Этот интерес



Портрет А.В. Вишневого, отца А.А. Вишневого. Худ. А.И. Лактионов. 1967 (Принадлежит семье Вишневских)

закономерен, так как он является для нашей страны не только корифеем хирургии, но и олицетворяет собой целый пласт современной русской культуры.

Истоки личности Александра Александровича, конечно же, в его семье, в той атмосфере семьи русских интеллигентов, которая базируется на громадном чувстве своей ответственности за судьбу страны и каждого человека. Не случайно, когда среди его друзей появились художники и скульпторы, желающие писать его портреты, он обратился к ним с просьбой в первую очередь сделать портрет отца.

В своем интервью "Комсомольской правде" он скажет: "Я любил своего отца и гордился им, но не положением, ни известно-

стью его, а им самим. Он был большим хирургом, способным артистом, хорошим спортсменом... А главное настоящим мужчиной! И была в нем властная убедительная сила, сила мастера своего дела". Именно таким сильным и уверенным в себе мужчиной, способным увлечь за собой, Александр Васильевич Вишневский был изображен в скульптурном портрете С.Т. Коненкова, удавшимся именно потому, что, как вспоминал

великий скульптор, Александр Александрович был сотворцом портрета, подмечая детали внешности (только ли внешности) отца.

Представляется, что дело здесь не просто в любви к отцу. Великий хирург стремился сохранить и передать семейные традиции и уклад жизни российской интеллигенции, справедливо полагая, что именно семья, семейные династии справятся с этой задачей гораздо лучше и эффективней, чем система государственного воспитания. Эта линия наиболее отчетливо прослеживается в работах Александра Лактионова, к которому хирург обратился сам с предложением написать портрет отца, после того как увидел его работу "После операции", посвященную С.С. Юдину.

Лактионов, со свойственным ему высоким мастерством и точностью рисунка, обладал редкой способностью идеально точно и сосредоточенно передавать не только облик, но и внутренний мир реального персонажа. К любой картине, выполняемый им, он подходил максимально тщательно, а на создание заверщенного образа уходило по нескольку лет. Этот упорный труд, сопровождающийся сомнениями и разочарованиями, поисками и находками, дал свои плоды.

Именно этот портрет, законченный художником в 1967 г., стал впоследствии самым узнаваемым изображением великого хирурга. Очевидно, что чистый портрет без элемента жанра в какой то мере показался художнику несовершенным. И годом позже был создан эскиз к будущей картине, на котором хирурги Вишневские запечатлены во время операции. Здесь мастер изобразил великих хирургов в масках в самый напряженный момент операции, что для другого художника было бы крайне затруднительно. Мы можем только догадываться, что в этом, казалось бы, совершенном эскизе не удовлетворило А.И. Лактионова. Через год был создан еще один портрет, на котором А.А. Вишневский изображен в полупрофиль. К этому времени у автора родилось и название будущего полотна, как нельзя лучше отображающее его суть, – "Эстафета поколений". Болезнь и ранняя смерть (А.И. Лактио-

нову было всего 62 г.) не позволили ему завершить начатое. Поэтому авторы рады возможности впервые представить эти изображения на широкий суд зрителей.

Профессор А.А. Вишневский был личностью творческой, родственной по духу самым ярким представителям творческой интеллигенции, очевидно именно поэтому многие из них со своими недугами обращались именно к Александру Александровичу. Во время одной из таких встреч работу великого хирурга наблюдал не менее великий художник П.П. Кончаловский. Дочь художника, Н.П. Кончаловская, вспоминает о предложении написать портрет: "А Вас было бы хорошо написать, Александр Александрович. Вот так, как Вы сейчас стоите... в рост. Как Вы думаете?". Ответ был дан незамедлительно: "Ну что же, Петр Петрович, я был бы счастлив". Для более детального знакомства с хирургом художник несколько раз посетил операционную и сделал зарисовки в блокнот во время операции. Однако от замысла изобразить хирурга в момент максимального напряжения, за операционным столом, Кончаловский отказался, так как лицо, закрытое маской, рисовать было неинтересно. Местом действия была избрана перевязочная комната. Потом продумывался костюм. Были сделаны наброски портрета в белых штанах и бахилах, но это показалось скучноватым по цвету, и Петр Петрович решил писать Вишневского в генеральских брюках с лампасами. Этот портрет является одним из наиболее ранних портретов великого хирурга, на нем ему всего 44 г. Внутренняя энергия, присущая молодым и сильным людям, чувствуется в каждом штрихе этого изображения. Операция завершена, операционное белье сброшено, а впереди большие дела. Молодое лицо написано с большой любовью. В нем отражены блеск ума ученого, решимость военного, большое человеческое обаяние и душевное богатство талантливого человека. Руки наконец-то освободились от перчаток, в них чувствуется уверенность и сила.



А.В. Вишневский и А.А. Вишневский во время операции. Худ. А.И. Лактионов. 1968. (Принадлежит семье Вишневских)



Эстафета поколений. Худ. А.И. Лактионов. 1969. (Принадлежит семье Вишневских)



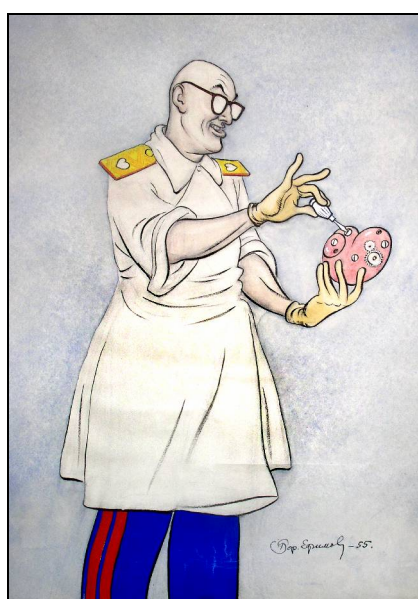
Художник П.П. Кончаловский в мастерской на Большой Садовой за портретом А.А. Вишневого (Фото из личного архива семьи Вишневских)



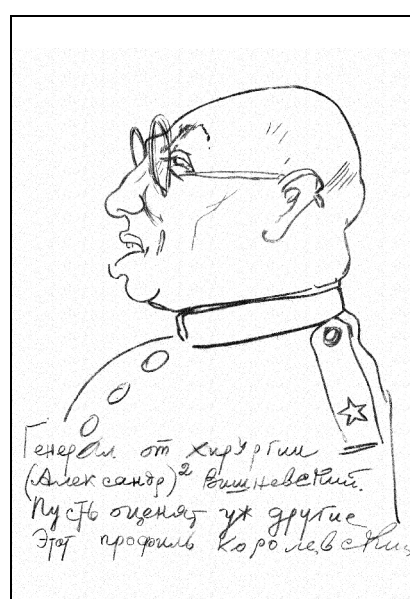
Портрет А.А. Вишневого. Худ. П.П. Кончаловский. 1951 год. (Принадлежит семье Вишневских)



Любимая карикатура А.А. Вишневого на хирургическую тему. Худ. неизвестен. (Борис Ефимов?) (Из личного архива семьи Вишневских)



Дружеский шарж на А.А. Вишневого. Худ. Борис Ефимов. 1955. (Принадлежит семье Вишневских)



Дружеский шарж на А.А. Вишневого. Худ. Борис Ефимов. 1966. (Принадлежит семье Вишневских)



На фотографии слева направо: выдающийся пианист Л. Оборин, народный художник СССР А.И. Лактионов, профессор А.А. Вишневский (Фото из личного архива семьи Вишневских)

Сейчас невозможно документально восстановить беседы, которые велись во время сеансов в мастерской художника на Большой Садовой. По свидетельству Н.П. Кончаловской, ни Петр Петрович, ни Александр Александрович не могли бы вести разговор только для поддержания беседы. Тема разговора должна была трогать собеседников за живое. Тогда и художнику работалось легче и модель не чувствовала скуки и утомления. Здесь были и увлеченные разговоры об их общей страсти – охоте, об осенних перелетах, зимней охоте на зайца, старинной охоте с гончими. Знаменитый художник вспоминал своего тестя – Василия Сурикова, рассказывал о Шалыпине, о Коненкове, о Москвине и Качалове, об учебе в Париже. Несомненно одно: они легко понимали друг друга, два мыслителя, два художника, стремившиеся проникнуть в сокровенные тайники человеческой души и в тайны человеческого тела. Этот интерес поддерживался еще и тем, что Петр Петрович был значительно старше Александра Александровича. Поэтому его опыт и знание жизни были интересны молодому Вишневскому. И наоборот, он излучал, и это

чувствуется в портрете, молодую жизненную энергию, так необходимую для творчества.

Великая сила искусства – это как раз та сила, которая давала А.А. Вишневскому ту жизненную энергию, которую без остатка отдавал своему любимому делу. Хирург часто встречается со смертью, и это накладывает на его характер особый отпечаток. Оптимизм в любой ситуации, пожалуй, самая лучшая форма защиты и себя, и тех, кого ты лечишь. Отношение к юмору у А.А. Вишневского было особым. Под стеклом его рабочего стола лежала карикатура на хирургов, которую он любил больше других, и которая, очевидно, давала ему определенную долю бодрости и оптимизма.

Естественно, что личность такого масштаба, как А.А. Вишневский, не могла не привлечь внимания карикатуристов. Пожалуй, самый знаменитый российский художник Борис Ефимов, ровесник века, мастер политической сатиры, плакатист и иллюстратор, был всегда в гуще самых горячих событий. Его рисунки постоянно, если не сказать каждый день, печатались на страницах центральной прессы нашей страны. Он объездил почти весь мир, видел многих выдающихся людей XX в. – и гениев, и злодеев. Художник запечатлел их в своих рисунках: писателей Максима Горького и Лиона Фейхтвангера, политиков Троцкого, Гитлера и Муссолини, художников-карикатуристов Бидструпа и Эффеля, наконец, хирурга А.А. Вишневского. Судя по тому, с какой любовью сделаны дружеские шаржи на Вишневского, Борис Ефимов относился к нему с большим уважением и симпатией. Первый из них был подарен хирургу в 1955 г., очевидно, в преддверии его 50-летия. Второй подарен к 60-летию, снабжен дружеской эпиграммой и выполнен, очевидно, в неформальной обстановке. Оба рисунка имеют несомненную эстетическую ценность, так как в них художник воплотил свой главный принцип: "На подлинно художественной карикатуре вы видите словно живых людей, с разными характерами, разным поведением".

Личность Вишневского, как магнит, тянула к нему не менее великих людей от искусства. На протяжении многих лет прочная дружба связывала великого хирурга с пианистом Львом Обориним, семьей Кончаловских и многими другими известными людьми.

Именно этот круг русско-советских интеллигентов поднимал ту высочайшую планку служения своему народу интеллигенции в годы тяжелейших испытаний, пронося через них старые традиции и развивая их в новых условиях. Наша задача понять, прочувствовать и сохранить их.